

Как бы там ни было, этот день остался за Тун Янем. Полная, безоговорочная победа.

После устроенного скандала Лин Цинхуа засунул свой язык подальше и больше не возникал. Пользуясь моментом, режиссер Лю велел помощнику вернуть всех на площадку, и Тун Янь мгновенно переключился на работу.

Первой же сценой после обеда были парные кадры с исполнительницей главной роли, так что расслабляться парень не смел.

Во-первых, Тун Яньян еще давно вдолбила ему в голову житейскую мудрость: если вертись в толпе, заставь людей себя бояться — только так не дашь себя в обиду. Но при этом на одном месте можно нажать себе максимум одного врага, а со всеми остальными кровь из носу нужно ладить.

А во-вторых — и это главное, — сериал строился вокруг сильного женского персонажа. Исполнительница главной роли, титулованная королева экрана, по статусу стояла куда выше Лин Цинхуа. Тун Янь твердо решил отыграть сегодняшние сцены безупречно, прямо в этом облачении. Посмотрим, повернется ли у Лин Цинхуа язык требовать пересъемок у самой примы, когда режиссер одобрит дубли.

Раньше Тун Яню доставались лишь крошечные эпизодические роли, опыта у него почти не было. Но один плюс все же имелся: он хотя бы не тушевался перед камерой, как совсем зеленые новички, путающие мизансцены и шаги. Движение в кадре — плавно дойти до нужной точки, вовремя поймать свет, не выпасть из фокуса объектива, выдержать ритм реплик — именно на этом чаще всего сыплются дебютанты. Только когда все эти технические мелочи доведены до автоматизма, можно начинать говорить об актерской игре.

Конечно, мандраж все равно присутствовал, глупо это отрицать, но то было обычное волнение, а не панический страх сцены. К счастью, партнерша оказалась настоящим профессионалом своего дела, без тени звездной болезни. Снимали сцену первой встречи: юная героиня влюбляется в героя с первого взгляда и вместе со свитой преследует его от самого берега реки до горной вершины.

Актриса устремила на него нежный, полный томления взгляд:

— Неужто я не красна?

Режиссер Лю не врал, когда говорил, что эта роль идеально подходит Тун Яню — по сути, ему даже играть не приходилось. Спрятав руки в широкие рукава халата, он вздернул подбородок и смерил девушку ленивым, высокомерным взглядом. Губ его коснулась легкая усмешка.

— Красна, — небрежно бросил он. — Пожалуй, краше диких пионов у реки Циньшуй.

Героиня протянула ему цветок, но юноша не принял подарок. Он лишь безмятежно улыбнулся, сощулив глаза и провожая рассеянным взглядом порхающую в ущелье бабочку.

На площадке никаких бабочек, естественно, не было. Насколько расфокусировать взгляд и куда именно смотреть — все это приходилось достраивать в собственном воображении.

Вдруг актриса прыснула и звонко рассмеялась.

Тун Янь тоже не удержался от улыбки.

— Ой, прости, раскололась, — замахала она ладонью, прикрывая рот. — Давайте еще дубль. Тун Янь, ты отлично держишься, только не зажимайся. Пусть взгляд будет чуть живее.

В целом съемки прошли как по маслу. Две сцены подряд сняли всего за пару дублей — гораздо лучше, чем Тун Янь смел надеяться.

Он и понятия не имел, что в эту самую минуту автомобиль Не Чжэна уже мчится к съемочной площадке. Закончив со сценами, Тун Янь освободился на сегодня, но уходить не торопился. Смыв грим, он вышел наружу. В павильоне вовсю монтировали новые декорации, смотреть там было не на что, да и духота стояла невыносимая. Парень решил немного прогуляться и подышать свежим воздухом. Едва он миновал ворота, как сзади донесся резкий окрик:

— А ну стой!

Обернувшись, он увидел Белого цветка.

Тун Янь готов был придушить этого придурка прямо на месте, но вовремя прикусил язык. Устраивать разборки с коллегой по агентству прямо на глазах у съемочной группы — значит опуститься до его же уровня беспросветной глупости.

Он проигнорировал выпад и молча зашагал дальше, надеясь избавиться от назойливого присутствия. Однако Белый цветок закусил удила и упрямо увязался следом:

— Как у тебя только совесть повернулась так нагло порочить чужое имя?!

Гнев едва не пробил Тун Яню черепную коробку, но он сдержался, лишь прибавил шаг. Впереди показалась недостроенная подсобка с наполовину оштукатуренными стенами.

Оглядевшись и убедившись, что поблизости никого нет, он решительно свернул туда.

Белый цветок, пылая праведным гневом, ворвался следом. Прекрасно. Лишних глаз здесь

точно не предвидится.

«Надо же, какой преданный фанат выискался, — мысленно хмыкнул Тун Янь. — Если уж так чешется занять теплое местечко подле Не Чжэна, так лезь из кожи вон, карабкайся наверх. А строить из себя невинную овечку, исходить ядом от зависти и пакостить исподтишка — фу, мерзость»

Тун Янь небрежно засунул руки в карманы брюк:

— Сказать, что ты гаденыш — ничего не сказать. Ты просто клинический идиот. Будь у меня мозги как у тебя, я бы давно на собственных трусах повесился, чтоб землю не коптить. Забыл, где находишься? Я сегодня и так пальцем тебя не тронул, а ты тут пасть открываешь? Тебе вообще слова не давали.

Лицо Белого цветка пошло пунцовыми пятнами:

— Раз творишь такое, нечего рот другим затыкать! Не знаю, какой грязной ворожкой ты привязал к себе господина Не, но я не позволю тебе мешать его имя с грязью на глазах у всех!

Решив добить соперника, Тун Янь ударил по самому больному месту:

— Какие у меня средства? Исключительно постельные, дорогуша. И не надо так пыхтеть, зависть — плохое чувство. Хотя тебе не привыкать: и рыбку съесть хочется, и девственность сохранить. А я вот живу у господина Не в особняке, мы каждый день вместе засыпаем и просыпаемся. Бесит? Ну поплачь, сделай милость. Лопни от злости, но сделать ты ничего не сможешь.

Белого цветка затрясло от ярости, губы его посинели, и лишь спустя полминуты он сумел выдавить сквозь зубы:

— Бесстыжая тварь... Помяни мое слово, за такую наглость тебя кара небесная настигнет...

Тун Янь залился искренним смехом:

— Ой-ой, то позора боишься, то кары небесной. А я-то думал, ты его действительно любишь...

В этот самый момент Не Чжэн и директор Чжэн, только что оставившие машину на парковке, шли в тени недостроенного здания. Едва они поравнялись с углом, как до их ушей долетел до боли знакомый голос.

Не Чжэн жестом велел директору Чжэну молчать и замер на месте.

И тут из-за стены донеслось наглое, сочащееся торжеством глумление:

— Совесть? Сроду такой дряни не держал. Да, я запрыгнул к нему в постель, и что ты мне сделаешь? Можешь хоть памятник своей непорочности воздвигнуть, все равно будешь плестись у меня в хвосте. И знаешь что? Даже не надейся. Пока я грею постель господина Не, твои жалкие потуги годятся разве что жабам в сточной канаве на смех. Ха-ха-ха!

Лицо Не Чжэна потемнело грозовой тучей. Директор Чжэн похолодел и невольно сжался.

Сделав широкий шаг, Не Чжэн бесшумно вырос в дверном проеме. Его ледяной, пронзительный взгляд уперся в застывших парней.

Тун Янь, секунду назад сиявший от самодовольства, подавился смехом и оцепенел.

«Бля-а-а-а...»

Белый цветок, напротив, уцепился за это появление как за спасительную соломинку:

— Господин Не!..

Но господину Не было абсолютно наплевать на их мышиную возню.

Не Чжэн прибыл сюда лишь для того, чтобы показать зубы и защитить подопечного от нападок посторонних. И пускай он стал свидетелем этой безобразной перепалки, пускай слова Тун Яня привели его в ярость, внешне он остался безупречно холоден. Смерив обоих презрительным взглядом, он развернулся и зашагал напрямик к съемочному павильону.

Поняв, что пахло жареным, Тун Янь растерял весь свой запал. Прикусив язык, он понуро поплелся следом.

Не Чжэн действительно был вне себя. Искоса глядя на его профиль, Тун Янь видел плотно сжатые губы и резко очерченные скулы. Мужчина смотрел строго перед собой, и в его глазах застыла тяжелая, безжалостная сталь.

В гробовом молчании вся четверка скользнула в полумрак съемочного павильона.

Декорации еще не были закончены. Заметив вошедших, режиссер Лю тут же поднялся навстречу:

— Господин Не! Чжаохуа! Какими судьбами?

Директор Чжэн нацепил дежурную улыбку и шагнул вперед:

— У новичков сегодня первый рабочий день, вот господин Не и решил лично взглянуть на процесс.

Не Чжэн приблизился, сделав над собой видимое усилие, чтобы смягчить выражение лица.

— Просто проезжал мимо. Как они справляются?

Под неопределенным «они» могли подразумеваться и Тун Янь, и Белый цветок, но перед камерой сегодня стоял только первый. Режиссер Лю, будучи человеком тертым, мгновенно смекнул, ради кого устроен этот визит, и мысленно позавидовал актерам с таким мощным покровительством. Скользнув взглядом по Тун Яню, он искренне улыбнулся:

— Мальчик невероятно талантлив. Для дебютанта такая естественность в кадре — огромная редкость.

Тун Янь выдавил из себя жалкое подобие улыбки.

«Пресвятая богородица, все боги восточного пантеона, спасите... Хоть бы пронесло. Хоть бы Не Чжэн смилостивился после этих слов и не устраивал мне сегодня ночью персональный ад»

Увы, небесная канцелярия была слишком занята, чтобы отвлекаться на его молитвы.

Да и порку Не Чжэн откладывать до ночи не собирался.

Перебросившись еще парой фраз с режиссером, Не Чжэн повернулся к парню:

— На сегодня свободен?

— Да, — тихо буркнул тот.

По негласным правилам новички обязаны торчать на площадке до самого вечера, даже если их сцены уже отсняты. Однако сегодня грозный покровитель явно плевать хотел на условности. Вежливо попрощавшись с режиссером, Не Чжэн направился к выходу, но у самых дверей замер и бросил через плечо короткий, не терпящий возражений взгляд:

— Домой.

Перед лицом разгневанного благодетеля Тун Яню оставалось лишь послушно семенить следом. Какая к черту разница, что подумают окружающие? Вся группа и без того знала, чью постель

он греет. Смысла строить из себя гордую птицу не было никакого.

К вечеру духота стала невыносимой.

На третьем этаже роскошного особняка все окна были распахнуты настежь, но в гостиной не ощущалось ни малейшего дуновения ветра. Воздух замер, тяжелый и липкий.

Не Чжэн устроился на кожаном диване у стены. От его неподвижной фигуры исходила такая подавляющая аура, что Тун Яню казалось, будто ему на грудь положили могильную плиту.

— Понимаешь, в чем твоя вина? — негромко спросил мужчина.

Тун Янь стоял перед ним, вытянувшись в струнку, словно нашкодивший первоклассник перед директором школы.

— Я не должен был затевать ссору на съемочной площадке. Но он сам первый напросился!

Тень недовольства на лице Не Чжэна стала еще глубже.

— И это, по-твоему, имеет значение?

«Черт, не прокатило. Этого старого лиса так просто не обведешь»

Пришлось признать поражение:

— Ладно, не имеет. Я виноват, не надо было опускаться до его уровня и раздувать скандал.

Понимая, что если он продолжит юлить, из него все равно вытянут душу, Тун Янь решил покаяться во всем и сразу:

— И еще... мне не следовало приплетать тебя к этой грязной ругани.

Однако Не Чжэн продолжал буравить его тяжелым, давящим взглядом. Прошло несколько мучительных секунд, прежде чем он снова спросил:

— И это всё? Где ты еще ошибся?

«Что, еще что-то?! — Тун Янь едва не взвыл в голос. Он перебрал в уме все возможные прегрешения, но так ничего больше и не вспомнил. — Сердце властелина — потемки, черт бы его побрал»

После очередной затяжной паузы, во время которой напряжение в комнате достигло предела, парень не выдержал:

— Может, подскажешь, в какую сторону мне думать?

Не Чжэн медленно и глубоко вздохнул.

Когда даже покаяние заходит в тупик, разговоры становятся бессмысленными. Мужчина дотянулся до телефона, нажал кнопку быстрого набора и сухо бросил в трубку:

— Принесите.

«Мамочки... Неужели сейчас начнут пытаться? Неужели он приказал принести плетель или розги?»

Дверь отворилась, и в гостиную вошла секретарь Юань. К облегчению парня, никаких пыточных инструментов при ней не было — лишь тяжелый поднос из темного сандала, который она аккуратно опустила на журнальный столик.

На подносе лежали кисть для каллиграфии, чашечка с тушью и тугой свиток плотной рисовой бумаги.

Тун Янь ошарашенно уставился на этот канцелярский натюрморт.

Не Чжэн неспешно поднялся с дивана.

— Раз у тебя так много лишней энергии, проведешь ночь с пользой для ума. Поразмышляешь о своем поведении.

Оставив это напутствие, он развернулся и скрылся за дверью спальни.

Едва за его спиной щелкнул замок, Тун Янь жалобно посмотрел на секретаря Юань:

— Сестрица...

Женщина лишь сочувственно вздохнула:

— Садись за работу. Тебе нужно переписать свод «Восьми добродетелей и восьми пороков». По одному разу на каждый лист. Весь свиток до конца. Почерк может быть некрасивым, но буквы должны быть четкими. У тебя есть две ночи. Господин Не шутить не любит, он лично проверит каждый иероглиф.

Тун Янь глянул на стопку бумаги и с трудом сглотнул. Пакет листов был толщиной с хороший кирпич.

Около полуночи небо разродилось долгожданным дождем, принеся спасительную прохладу.

Тун Янь распахнул створки окна и уселся за письменный стол. Стоит признать, в своей изошренной жестокости Не Чжэн превзошел сам себя: заставить переписывать моральный кодекс сотни раз, да еще и традиционной кистью! Будь у него в руках обычные ручки, он бы связал три штуки скотчем и управился втрое быстрее. Но с мягким ворсом кисти такие трюки не проходили.

Последний раз каллиграфию он держал в руках еще в школе на уроках рисования. Иероглифы выходили корявыми, расползались по бумаге уродливыми кляксами, но деваться было некуда. К тому же из-за открытого окна в комнату налетела всякая садовая мошкара. Шею нестерпимо пекло и зудело. Парень то и дело яростно чесался, но зуд лишь усиливался. Измученный и злой, он просидел так до самого рассвета, урывками забываясь тяжелым сном прямо на столе, уткнувшись лицом в ворох исписанных листов.

Утром, взглянув на себя в зеркало в ванной, Тун Янь едва не лишился чувств. Вся его шея была покрыта жуткими багрово-синими пятнами — следами от укусов насекомых и яростных ногтей. Лопнувшие капилляры превратили кожу в сплошное месиво, выглядевшее куда более двусмысленно и пугающе, чем засосы после бурной ночи с Не Чжэном. Но времени сокрушаться не было — нужно было срочно бежать на грим. Не успело солнце взойти, как парень с опухшими от недосыпа глазами спустился во двор, намереваясь забрать у старого садовника ключи от ворот.

Как назло, если уж день не задался, беда придет не одна. Едва он занес руку, чтобы постучать в сторожку, как воздух прорезал звонкий щелчок. Плечо и лопатку обожгло нестерпимой, острой болью.

Обернувшись, он глухо выmaterился. Плотный резиновый жгут толщиной в палец, натянутый под навесом для хозяйственных нужд, лопнул прямо у крепления и спружинил ему точно по спине, оставив на бледной коже багровую полосу, точь-в-точь похожую на след от удара плетью.

Несколько часов спустя. Главный холл офисного здания «Юньсин».

Едва Не Чжэн переступил порог, как столкнулся у входа с Белым цветком и его агентом.

Заметив влиятельного босса, женщина тут же засеменила навстречу, увлекая за собой своего подопечного:

— Господин Не, доброе утро.

Не Чжэн слегка замедлил шаг и сухо кивнул в ответ.

О вчерашнем инциденте на съемочной площадке агенту уже донесли, и она прекрасно понимала, что спускать дело на тормозах нельзя. Решив прощупать почву, она заговорила елевым голосом:

— Вчера Байхуа повел себя крайне глупо. Я уже велела ему сегодня же извиниться перед Тун Янем. Как думаете, Тун Янь еще сильно на него сердится?

Не Чжэн продолжил путь к лифтам. На его безупречном лице не отразилось ни единой эмоции.

— Тун Яню не хватает сдержанности. Он совершенно не умеет вести себя на людях и не понимает, где рамки дозволенного. Если он не избавится от этого порока, ему нечего делать в этой индустрии. Да и в любой другой тоже.

Договорив, он хладнокровно нажал кнопку вызова кабины.

Едва они сели в машину, Белый цветок просиял от счастья:

— Видишь? Господин Не рассудил по справедливости. Он прекрасно понимает, кто тут виноват.

Агент резко обернулась к нему, готовая взорваться от злости:

— Ты вообще соображаешь, о чем говоришь?! Неужели не заметил, что он в бешенстве? Господин Не прямым текстом сказал тебе иметь хоть каплю ума и не устраивать цирк прилюдно, иначе вылетишь из агентства с волчьим билетом!

Тот упрямо мотнул головой:

— Но он же ясно назвал имя Тун Яня!

Женщина посмотрела на него как на сумасшедшего:

— Да кто ты такой, по-твоему, чтобы господин Не пачкал руки и отчитывал тебя лично? Он просто использовал Тун Яня как предлог, чтобы указать тебе твое место! Мой тебе совет: держи язык за зубами и обходи Тун Яня десятой дорогой. Ты пока никто и звать тебя никак, так что сиди тихо и не отвечивай.

Тем временем в гримерке Тун Янь с тоской разглядывал свое отражение в зеркале. Осторожно коснувшись воспаленной кожи на шее, он виновато посмотрел на гримершу:

— Сестрица, сможешь это как-нибудь замазать?

Женщина аккуратно потянула воротник его рубашки вниз и беззвучно ахнула.

«Ого... Глубокие царапины, багровые пятна, точь-в-точь похожие на страстные укусы, и длинный рубец через всю спину... А его покровитель, оказывается, любит погорячее»

Она ошарашенно перевела взгляд с багровых синяков на невозмутимое лицо парня.

<http://bllate.org/book/18307/1755439>